

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов III (XVII)
Международной конференции молодых ученых
(18–23 апреля 2016 г.)

Выпуск 17

Издательство Томского университета
2016

а в художественной — по отношению к герою произведения или сюжету (*Она коза; Вот это поворот; Сатин умён; Все зря; Ну вот... Ничо не понятно* и др.). Между репликами подобного диалога возможен временной разрыв. Записи, сделанные на полях книг, доступных и для других, характеризуются такой чертой, как потенциальное полиавторство. Любая реплика, слово, рисунок, написанные или нарисованные на полях, в любое время могут быть кем-нибудь прочитаны и продолжены, дополнены. Поэтому мы говорим о том, что написанное живет и развивается дальше, уже за пределами авторского контроля.

Примечания

1. *Бахтин М. М.* Проблемы речевых жанров/ М. М. Бахтин. Собр. соч.— М.: Русские словари, 1996.— Т. 5: Работы 1940—1960 гг.
2. *Демьянков В. З.* Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. — М., 1999. — № 2. — С. 5—13.
3. *Лебедева Н. Б.* Русская естественная письменная речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. — М., 2001. — С. 260—261.
4. *Лотман Ю. М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера.— СПб., 2000. — С. 183.
5. *Юркевич А. С.* Ежедневник как жанр естественной письменной речи: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Юркевич.— Кемерово, 2011.

Земичева С. С.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕНИИ В ДИСКУРСЕ НОСИТЕЛЯ НАРОДНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация».

В статье анализируются обозначения пения в дискурсе носителя традиционной народно-речевой культуры сибирской крестьянки В. П. Вершининой. Описание функционирования данных единиц выявляет социальный, эстетический и этический аспекты осмысления говорящим одного из наиболее широко распространённых видов народного искусства.

Ключевые слова: языковая личность, сибирские говоры, народно-речевая культура.

Данная статья посвящена анализу обозначений пения в речи носителя сибирского старожильческого говора В. П. Вершининой (1909—2004).

В качестве источника использовались 4-томный «Полный словарь диалектной языковой личности» под ред. Е. В. Иванцовой (Томск, 2006–2012) и записи спонтанной устной речи информанта, сделанные диалектологами Томской лингвистической школы (около 10000).

Глагол *петь* в значении ‘исполнять голоса музыкальное произведение’¹ — один из наиболее частотных обозначений звука в идиолекте (109 употреблений). Данная номинация является ядром семантического микрополя, куда включены также обозначения процесса пения (*запеть, напеть, спеть, подпевать, попеть, петься; подтягивать, вытягивать*), номинации отдельных жанров вокального искусства (*песня, песенка, молитва, частушка*), а также обозначения лиц по способности к действию или принадлежности к названной сфере жизни (*пе’сельник, пе’сельница, певчий*).

Пение включается в ценностную оппозицию «раньше — теперь», первый член которой маркирован положительной оценкой, а второй, как правило, отрицательной. «Прошное» реконструируется как время, в котором пение пронизывало все сферы жизни — труд, отдых, обряд. Так, в речи В. П. Вершининой есть упоминания обрядовых песен, хотя они и немногочисленны: *Эта невеста вот сидит она. Поют ходят, шьют, вяжут; Рождество’ просла’вют [ряженные] — «Рождество’ славим, Христе’ Боже наш» — просла’вют его, пропоют*. По воспоминаниям диалектоносителя, пение в её жизни сопутствовало и труду: *Давно, раньше мы всё² пели с Аксиньей. ... Долбили лёд ходили, дак мы встаём прямо рано и поём — а’жно деревня раска’ливается*.

Центральное место в дискурсе информанта занимает связь песни с типичными для крестьянского традиционного социума формами досуга: *Тепе’рича кру’гом ходили, вот за’ руки возьмутся все, человек, наверно, поди, сколько, до полста. Де’вки всё, ребята кото’ры ходили, песни поют, круговы’ песни вся’ки-ра’зные; Вечёрошны [песни] на вечерке пели; [о святочных гуляниях] ... да пляшут-то, да поют-то — ой! Красиво было. <...> И плясали, и пели, и плясали, и всё делали. И собирали кто чё. Кто цыгане... кто от... таки’. Гадали...*

Информант жалеет о том, что традиционные формы досуга во многом утрачены, неактуальны для молодёжи: *Это раньше Петров день, здесь ши’бка праздновали! Престо... престольный праздник был. <...> В ка’жном дому’ всё: поют, и играют, да пляшут, да ой, а теперь... — никого. Худа’ всё равно жись стала; А раньше праздник какой — гуляют, хо’дут, по домам, поют, и танцуют и, и в гармонь играют, и всё... А теперь чё? Кто всё вы’нет да... дома, да за углом да*. Настоящее характеризуется и нарушением ключевых этических предписаний, регламентирующих

данную сферу, в частности пением во время поминок: «Худы поминки были» <...> А сын приехал Колин на машине — тоже выпил, да и... тоже, гыт, песни пел. А его прямо жена-то по губам [ударила]: «Чё ты! Сдурел ли чё ли?» <...> Я говорю: «Здо'рово вы там...» [неодобрительно].

В то же время в сознании старшего поколения сохраняются отдельные запреты, касающиеся сферы пения. Одним из соблюдаемых запретов является отказ от пения, если в семье случилось несчастье: Я, от как Миша у меня разбился, я никогда' не пела, ничё;... Ну, так от она, часа мать-то умерла, она не поёт. Упоминается и запрет петь во время Великого поста, восходящий к христианской традиции: Ну и Восьмого марта Таня к себе опе'ть позвала. А... я к себе-то не позвала. Вели'кий пос [т]. Скажут: «Вот каких гостей собира'т», скажут... Они же петь будут. А тут скажут, грех.

Настоящее характеризуется сменой формы бытования фольклора — достаточно часто в дискурсе В. П. Вершининой речь идёт о прослушивании музыкальных произведений по радио: Песни пели, концерт по заявкам — это отку'дова поют-то? То ли с Москвы, то ли отку'дова, Катя?; Ка'жный день поют! Ка'жный день. Я думала, что редко кода', в каки' дни — ка'жный день! <...> Песни пели, и всё. А я люблю послушать, кода' так поют. С одной стороны, радио позволяет сохранить народную традицию, что вызывает положительный эмоциональный отклик («люблю послушать»). С другой стороны, ежедневное исполнение песен лишает их сакральности, свойственной праздничному времени. Радиотрансляции не только дополняют, но зачастую и вытесняют традиционное пение хором по праздникам. Негативно оценивает диалектоноситель смешение в СМИ церковных и светских текстов: ...теперь пошло'-то как всё. Всё... по радио то молитвы, то музыка... Ой, то песни, то молитвы, то Богу мо'лются. <...> Всё перевернулось вверх-тормашкой, и всё.

Те случаи, в которых говорящий выступает как участник праздничного пения, имеют отчётливо выраженную положительную эмоциональную окраску: Выпили да и это, сидели, даже песни пела я! <...> А у Раи хоро... хороший голос-то, она там подтя'гиват, поём. «Сронила колечко» мы пели-то <...> Ну, вся'ки пели песни; Скамейку приташиш'ли, и нас — Гутя, и Таня, и Коля, и я, Таня Сивохина, потом ешо' кто-то тут-ка... ну нас много. Таку' беду пели, да всё наташиш'ли, кто вино, кто самогонку, кто чё...; Даже и до песен — песни пели! <...> «Бабки-то там, гыт, гуляют, да поют без ума на всю деревню»; Ну они тут и по-пели! Катя пе'сельница эта, Андреевна, Рая тоже... Ну и та Катя пела, Лекса'ндра Степа'нна... [А старинное не пели?] Ну, пели. Катя пела...

Народное пение — хоровое, исполняемое непрофессионалами, и его эстетическая функция, по-видимому, не является основной. В центр выдвигается функция социальная, консолидирующая — песня осознаётся как часть праздничного ритуала, объединяющего людей. Пение создаёт праздничное настроение: *Мы посидели. И песни тут вся'ки пели тоже, ой, всё! весело' было.*

В то же время носитель народно-речевой культуры отмечает вокальный талант односельчан (или его отсутствие), что свидетельствует об эстетическом восприятии пения: *У Аксины голос хороший. Я начинаю, она вытя'гиват, поёт; Поёт здо'рово, как артистка; Таня хорошо поёт, Гутя... Ой, хорошо! Ой! Такой голос прямо зво'нкий; У Маруси это голосу-то нету — она пе'сельница, бо'йка така', а песни тоже поёт за всёй силы — высоко' так начина'т поёт!* Отметим и наличие специальных обозначений *пе'сельница, пе'сельник, со значением 'человек, любящий и умеющий хорошо петь'³: Нина Васильевна попела, она пе-сельница, за грехи пе'сельница. Ну и это, «весело'», понравилось тамо-ка ей; Красивый был, пе'сельник, плясун прям такой!* Номинации профессиональных исполнителей (певец, певица) в речи В. П. Вершининой не зафиксированы. О внимании к музыкальной стороне песенного искусства свидетельствует, на наш взгляд, и сочетаемость обозначений пения с номинациями акустических параметров звука, которые часто являются образными. Так, отмечается высота звука (*высоко', вытягивать'* — 'петь, поддерживая определённую высоту звука'⁴), его громкость (*за всёй силы, аж деревня колетя/аж деревня раскалывается, голос зво'нкий*).

Комментируется и содержание песен. Как правило, диалектоноситель соглашается с их текстом: *Дак а как? Без хлеба же не будешь. Сёдня песню пели: «Хлеб всему голова»; Куды' чё девалось? «Куды', гыт, делась моя красота, кому я сердце итдала'» — так и правда. [Песня такая?] Угу.* В то же время в большинстве случаев песни, в отличие от пословиц, не воспринимаются диалектоносителем как транслятор морально-этических норм, их цитирование носит ассоциативный характер⁵.

При этом, по крайней мере, в одной ситуации (при выборе песни для поздравления на юбилей) Вера Прокофьевна соотносит собственную судьбу с сюжетом песни: *А потом Валя-то и говорит: «Тётъ Вера, а ты каку' песню любишь? Хоть бы песню заказали мы тебе». А я говорю: ну! Люблю, говорю... не люблю, а так, вроде, гля меня так... подходя'иша, я говорю это. «Тропинка милая, куды' ведёшь, куды' зовёшь». Ой! Они: «и правда». А кака' она хоро'ша-то. Я прямо расстроилась⁶. А мно-оги говорят: «Ой, а я плакала, я плакала» — тот, другой... Ну я не плакала. Чё плакать-то буду? Песню поют — я буду плакать?»* В приведённом тексте находит

выражение способность искусства оказывать эмоциональное воздействие (*расстроилась*), однако подобное воздействие ограничивается рациональным началом (*Песню поют — я буду плакать?*) Отрицательные эмоции, вызванные песней, не противоречат её оценке как «хорошей». Основным критерием выбора становится прагматический — уместность, с точки зрения говорящего, содержания песни (*подходя'шша*). В одном случае содержание песни оценивается отрицательно: *а мне не гля'нется эта песня, «Дорогие мои старики»-то, «я вас расцелую»-то. Мне че'то она не гля'нется. Мужичонка какой-то поёт. [А какая глянется?] Ну, так... хоть каки' гля'нутся, а эта кака'-то как-то не гля'нется. Можно предположить, что оценка объясняется восприятием старости как явления неэстетичного, в связи с чем критикуется выбор темы песни.*

Глагол *петь* диалектоносите́ль использует и по отношению к исполнению молитв: *Молитву, поют там [при крещении], ага. <...> Пропел, вокруг купели хо'дют, воло'ски ибстрига'т; Она [мать] на кры'лосте пела, — кода' в церквн-то поют там, пе'вчи-то — ты не видала? Ну вот, она пела там. Чаще всего при этом упоминается похоронный обряд (ср. его узуральное название — отпевание): *Веровала. Она [односельчанка] ходила читала, по поминкам. Молитвы все знала, пела; Завтра день он лежит, послезавтра его хоро'нут. На третий день. И они цита'ют, отци'тывают молитвы. Поют, цита'ют; На моги'лкав поют. <...> А кого и с музыкой хоронят, с духовым. <...> Тапе'рь, как свадьба [поминки]. Констатируется утрата традиционных обрядов: «Достойно» пели. От ишь, я уж не пою счас, и забува'ю всё. Кода' так, те года, дак хоть где кого хоро'нут, я пойду, подпеваю, а счас... «Досто... достойно... [Поёт:] «Достойно есь, яко истина. Блажи'тити, Боуородица, присноблаже'нна и принепорочною! Су'шшою Боуородицу тя велича-а-и'м!» — так на поми'нкав поют. Кода' хоро'нут кода' кого. Ну и так Боу мо'лются. А счас не мо'лютсяничё. И попы не поют, и никого. [В церкви поют.] Ну в церквн-то поют; Я, от это Лексе'и Макарьича схоронили, я говорю: о'споди, раньше хоть это, «Святы' боже» попоют да всё, а тут никто-о ничё. Прямо... <...> В Батурино ши'бко поют. А здесь нет. Переход от непосредственного восприятия к восприятию радиотрансляции касается не только песен, но и молитв: *По радио слушала. Служили, всё поют, всё Рожество' славят; Ну, мо'лются всё да поют, утром поют... Молитвы. Молитвы-то поют всё [по радио].***

Глагол *петь* может также характеризовать звучание животного мира: *А петух на эту, на коню'шну залетел: «Ку-ку-ку-у!» — там поёт. Связь звуков петуха с членением времени актуализируется в жанре анекдота: Как, гыт... петух — из Америки петух пришёл, слышали? Некдо'т. Говорит, пришёл — ну, в Советский Союз-то. И обратно вернулся. «А ты*

чѐ обратно?» — «А я там не знаю, как петь. Всѐ время, гыт, часы перевѣртывают, перевѣртывают, подвѣртывают, да убавляют да прибавляют. Я не знаю, как и петь». Пение кур «по-петушину» расценивается как ненормальное и потому — как дурная примета: *Курица кода' поѣт — «ой, говорят, к плохому», как-то неприятно было, кода' курицы пели. А бывает, пели курицы.* Глагол *петь* в идиолекте описывает также звучание насекомых: *Мухи поют, пчѣлы поют, и никого. Гудела, гудела муха.*

Выводы: функционирование обозначений пения сопряжено с культурными и ценностными представлениями информанта. Пение как строго регламентированное действие, проникающее во все сферы жизни, принадлежит сфере прошлого. Для настоящего же наиболее характерно пение как часть досуга. Номинации пения в прямом значении чаще всего маркированы позитивной оценкой. Центральным в оценке явления выступает социальный параметр, наиболее ярко представлена в текстах консолидирующая функция песни как элемента праздничного ритуала. Основным критерием хорошего пения является уместность (недопустимость пения во время траура, поста; соответствие песни случаю). Эстетический и эмоциональный критерии оценки пения имеют место довольно редко.

Примечания

1. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е. В. Иванцовой. — Томск, 2009. — Т. 3. — С. 40.
2. Жирным шрифтом отмечено эмфатическое ударение.
3. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е. В. Иванцовой. — С. 38.
4. Там же. — С. 172.
5. *Иванцова Е. В.* Мир личности в прецедентных текстах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии: матер. Всерос. конф. «Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии». — Томск, 1998. — С. 78.
6. Центральным событием песни является расставание с любимым из-за его измены.

Иванова Л. А.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВРЕМЯ» В ИДИОЛЕКТЕ СИБИРСКОГО СТАРОЖИЛА: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

В статье описано семантическое поле «Время» в идиолекте сибирского старожилы Веры Прокофьевны Вершининой. Рассматривается структурный аспект поля: ядро, центр, периферия.

Ключевые слова: языковая личность, языковая картина мира, время, семантическое поле.